

Иеромонах НЕКТАРИЙ (МОРОЗОВ)

**ГОСПОДИ,
КАК НАМ ИДТИ ЗА ТОБОЙ?
Опыт воцерковления в современном мире**

По благословению епископа Саратовского и Вольского Лонгина

© Издательство Саратовской епархии, 2004.

Содержание

Вступление
Как жить дальше?
Между миром и монастырем
Как узнать волю Божию о своем монашестве?
Посвятить себя Богу – в этом сущность не только монашества, но и самого христианства
Среда... определяющая сознание?
Проблема выбора
Более общий путь
Как понять: какой путь мой?

*Эта брошюра, материалом для которой послужило выступление автора на радиостанции «Радонеж», посвящена одному из наиболее существенных для приходящих сегодня в Церковь людей вопросов — вопросу: «Как жить дальше? Как найти **свое** место в этой жизни?». Автор сознает, что здесь — не ответ, а только попытка ответа, попытка помочь тому, кто сам этот ответ напряженно ищет.*

Вступление

Эта небольшая брошюра, задуманная как продолжение серии «Опыт воцерковления в современном мире», родилась в результате общения автора с верующими людьми, ищущими в жизни **свой** путь, задающими себе по приходе в Церковь очень важный вопрос: «Как жить дальше?», вопрос, совершенно закономерный. Христианство для обратившегося в него из безверия — в полном смысле этого слова **новая** жизнь, восприняв которую, человек жаждет изменения себя, изменения, соответствующего этой новизне. Между тем ответ не всегда очевиден: путь к нему лежит через сердце, в котором встречаются воля человеческая и воля Божественная. И в то же время в сердце свое без помощи Божией заглянуть оказывается невозможно. А правильный ответ очень важен: от него зависит в жизни христианина многое, если не всё. Найти **свое** место в этой жизни, то, которое именно для нас приготовлено Богом,— как же это много значит!

Невозможно предложить «один ответ для всех» или «ответ по выбору — для каждого». Здесь, в этом издании,— лишь попытка помочь ищущему свой путь следования за Христом человеку разобраться в себе, рассмотреть свою жизнь, свое сердце и все-таки — обрести этот путь.

Как жить дальше?

*Тогда Иисус сказал ученикам Своим:
если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя,
и возьми крест свой, и следуй за Мною.
Мф. 16, 24*

Сегодня у искренне, скажем даже «пламенно», обратившегося к Богу, начавшего воцерковляться человека очень часто возникает вопрос: как жить дальше? Легко дать общий, такой, казалось бы, ясный и простой ответ: живи по-христиански, согласно с евангельскими заповедями. Но как это исполнить? — Дело в том, что у человека со временем появляется не дающее ему покоя ощущение, что вся его жизнь, ее строй, круг общения, работа, наконец,— это совсем не то, что могло бы позволить ему приблизиться к Богу. Условия этой жизни, требования среды, профессиональные требования, взгляды тех, с кем постоянно приходится иметь общение,— все это и на самом деле нередко вступает в противоречие с законом евангельским, не дает осуществить его во всей полноте, заставляет идти на бесконечные компромиссы. Что же делать тому, кто понимает уже хотя бы отчасти, как надо жить действительно по-христиански, но не находит в себе сил так жить в привычной ему обстановке? Неужели единственный путь — это совершенное удаление от мира, уход в монастырь, уход, более похожий на бегство с поля брани, бегство, которое если и бывает спасительным, то сопряжено тем не менее с чувством какого-то очень горького, трудно переживаемого поражения?

Принятие монашества — сознательный выбор, отклик на таинственный призыв Божий к жизни в полном смысле этого слова «иной», иноческой. От «безысходности», от неумения «найти себя» в монастырь тоже приходят. Приходят и по милости Божией порою обретают здесь понимание подлинной сути монашества. Но это скорее исключение, чем правило. Монашество — путь человека, который имеет одну цель — быть настоящим христианином и в монашестве находит не **единственную**, а **лучшую для себя** возможность им стать.

Нет, у каждого из нас дорога своя, и каждый может послужить и угодить Богу на том месте, на которое поставлен, куда привела или сокровенно ведет его Божественная благодать.

Отчего же мучается и «не находит себя» христианская душа, что так беспокоит и угнетает постепенно обостряющуюся христианскую совесть? Господь в Евангелии говорит, обращаясь ко всем, принимающим Его как своего Спасителя и Бога и покоряющимся слову Его благовествования: *если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* [1]. И добавляет еще: *и кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником* [2].

Человек чувствует, что **его жизнь** в нем еще гораздо сильнее той жизни Христовой, жизни для Христа и во Христе, которая обязательно должна открыться как единственный реальный путь в Небесное Царство. Чувствует, что решимости *отвергнуться* нет, что *крест*, едва лишь коснется его плеч, уже внушает ему страх и желание повернуть вспять. И в этом обличает его совесть, сама свидетельствующая, по евангельскому слову, что никто, *возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, для Царствия Божия не благонадежен* [3].

Или, напротив, ревность такова, что человек чувствует в себе лишь одно желание: бежать вперед и вперед, не зная и не разбирая пути, совершая ошибку за ошибкой. Но тут восстает самый разум, не приемлющий этого неосмысленного стремления, прозревающий, что безоглядный «бег к цели» может стать стремительным удалением от нее.

Что нужно здесь христианину, действительно желающему *идти за Христом*? Наверное, прежде всего рассуждение — то, что, согласно святым отцам, является одновременно и венцом всех добродетелей, и их основанием.

Примечание:

[1] Мф. 16, 24.

[2] Лк. 14, 27.

[3] Ср.: Лк. 9, 62.

Между миром и монастырем

Вопрос: «как жить дальше?» — поистине ненадуманый и непраздный — на самом деле непременно встает перед каждым, кто от неверия обращается к вере. Многое в жизни, а по существу вся жизнь, нуждается в пересмотре. И собственное поведение, и укоренившиеся привычки и пристрастия, и круг общения, и работа — все это нужно пересмотреть в свете евангельском. И, конечно, то, что признается прямо греховным, без сожаления оставить.

Но есть вещи, не собственно греховные, однако ко греху влекущие. Это то, что является для человека непреодолимым или трудно преодолимым соблазном, случаи, поводы ко греху. Трудно находиться посреди огня и не обжечься и так же трудно жить посреди соблазнов и избегать при этом грехопадений. Поэтому, насколько возможно, христианину необходимо устраивать свою жизнь так, чтобы в ней поводов ко греху, случаев к преткновениям было как можно меньше. Один из древних преподобных отцов, Пимен Великий [1], говорил, что человеку, стоящему на краю пропасти, очень легко упасть в эту пропасть. Но если он удалится от ее края на значительное расстояние, то опасность падения в нее будет уже гораздо меньше. Так же и человек, живущий среди соблазнов, легко впадает в грехи, а удаляющийся от них падает уже не столь легко.

Мысль о монашеской жизни, о монастыре посещает многих христиан, в которых по обращении ревность к богоугождению бывает сильна; такой путь представляется закономерным, логическим выходом, освобождением от тех пут, которыми так или иначе связывает человека мир. В этой мысли о монашестве — проявление естественного для христианина максимализма: сама по себе она, разумеется, не несет в себе ничего отрицательного. Но вот что существенно: **ради чего** идти в монастырь? Для того, чтобы **было легче**, или — **на подвиг**? От того, как человек это понимает, многое зависит. Хотя, впрочем, как показывает сама жизнь, намерение человека поначалу может быть не вполне верным, однако впоследствии Господь его зачастую исправляет.

И все же монастырь — это не место, куда просто уходят или бегут, к монашеству относятся слова Спасителя: *могущий вместить да вместит* [2]. В монастырь — **приходят**. Настоящая монашеская жизнь невозможна без призвания к ней, иначе человек будет тяготиться ею, как неким неудобноносимым игом.

Монашескую жизнь нужно полюбить, понять. Это действительно лучшая жизнь, поскольку именно она дает человеку возможность максимально устранить от себя все, что могло бы послужить ему помехой на пути к Богу. Но это надо увидеть, чтобы сделать вполне осознанный выбор, чтобы уход в монастырь был не каким-то драматическим, вынужденным шагом, а сознательным, продуманным выбором, когда человек, не довольствуясь меньшим, стремится к большему, не удовлетворяясь относительно хорошим, стремится к возможно лучшему. А самое важное, должна быть воля Божия на то, чтобы человек решительно оставил мир и ушел в монастырь.

Ведь и на самом деле, как пишет в одном из своих писем известный духовный писатель минувшего столетия архимандрит Софроний (Сахаров; 1896–1993), благодать «мы получаем... не за подвиги — безмолвие, пост, молитва и прочее, а главным образом за исполнение воли Божией» [3].

Примечание:

[1] См.: *Святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Кавказский и Черноморский*. Творения. Отечник. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их. М., 2001. С. 502.

[2] Ср.: Мф. 19, 12.

[3] *Архимандрит Софроний (Сахаров)*. Подвиг богопознания. М., 2003. С. 146.

Как узнать волю Божию о своем монашестве?

Человеку необходимо ощутить в себе то, что можно было бы назвать Божественным призывом к монашеству, в его сердце должна сначала затеплиться, а затем возгореться любовь к этой мироотречной жизни. Но это должно быть не мимолетное чувство, а чувство, укрепившееся в душе, осмысленное, выстраданное, подтверждаемое уже тем образом жизни, который человек ведет в миру, готовясь к монашеству. Старец Паисий Афонский говорил, что в монастырь можно идти, когда чувствуешь в себе желание быть монахом на сто процентов. А если в душе девяносто девять процентов за монашество, а один процент против, то когда ты придешь в монастырь, это соотношение может со временем сильно измениться, так что ты только на один процент будешь желать оставаться монахом, а на девяносто девять будешь снова вожделевать мирской жизни.

И, кроме того, надо еще очень хорошо понимать, что жизнь монашеская в наши дни, оставаясь, согласно учению святых отцов, установлением Божественным и житием ангельским, стала сложнее, чем когда бы то ни было. Монашество в своем собственном виде в России за годы атеистического режима было практически уничтожено. Сейчас оно только возрождается, причем в условиях для него очень неблагоприятных. Почти нет опытных, знающих монастырскую жизнь наставников, также почти нет или очень редки уже сложившиеся, устоявшиеся монашеские братства, где самая жизнь служила бы для вновь пришедшего в обитель человека назиданием без слов.

Многие монастыри оказываются в наши дни фактически посреди мира, так что через них непрерывно течет поток мирских людей, и это тоже созиданию монашеского устройства и укреплению монашеского духа не способствует. Да и самый характер жизни в современных обителях зачастую определяется тем, насколько они были разрушены и насколько нуждаются в восстановлении, в добывании или зарабатывании средств на их содержание.

Все эти и административные, и хозяйственные заботы требуют постоянных и прочных связей с миром. Поэтому огромная духовная крепость нужна человеку, решившемуся оставить мир и расстаться с тем, что его в этом мире привлекало и держало (а на самом деле практически любого человека в мире что-нибудь да держит), решившемуся оставить мир и снова оказывающемуся в самой его гуще, снова входящему в сложные взаимоотношения с ним.

Но значит ли это, что монашество не дает сегодня человеку сил для внутреннего изменения, а только лишь требует больших трудов и усилий от него самого? Нет, так ни в коем случае сказать нельзя. Монашество требует сил, но оно же и подает по благодати Божией человеку эти силы. Сознательно принятое монашество дает человеку огромную внутреннюю определенность. Христианин, который принимает монашество, осознав его глубинную сущность, его идею, переживает глубочайшее внутреннее изменение. Сущность монашества заключается в том, чтобы всецело посвятить, отдать себя Богу, то есть лишиться этот мир, людей каких бы то ни было прав на самого себя и самому отказаться от таких прав, только Бога исповедовать своим единственным Господином и Владыкой. Когда у человека есть такое произволение и его истинность подтверждается самой жизнью, тогда Господь это произволение принимает.

И совершается некое воистину непостижимое таинство. Человек монашествующий остается посреди мира и в то же время совершенно реально ощущает себя этому миру не принадлежащим, ощущает, как Господь словно изъял его из среды этого мира и привлек к

Себе настолько близко, что отнять его у Господа мир уже не может. Это состояние, ощущение есть дар Божественной благодати, Божественного милосердия, но он дается лишь тем, кто его ищет с трудом и болью. И легко теряется при нерадении и небрежении.

Посвятить себя Богу — в этом сущность не только монашества, но и самого христианства

На вопрос о том, должно ли непременно уходить в монастырь, чтобы жить во всей полноте по закону евангельскому, сразу можно ответить отрицательно. Христианство — религия для всех: и для тех, кто избрал жителство иноческое, и для тех, кто вступил в брак, и для тех, кто Промыслом Божиим призван вести жизнь безбрачную.

Конечно, как жить, как спастись в монастыре — отдельный, очень сложный, очень глубокий, хотя притом и очень нужный разговор. И те замечания о современной монашеской жизни, что изложены выше,— всего лишь «реплика» в этом пока не состоявшемся разговоре. Однако сейчас мы хотели бы говорить о другом: как жить в миру, жить действительно по-христиански, найдя свой путь к Богу, свою возможность угождения и служения Ему. Это относится к большей части верующих людей (поскольку большинство всегда составляли и, естественно, будут составлять миряне) и вызывает сегодня более всего недоуменных вопросов.

И вот о чем стоит сказать в первую очередь, чтобы определить характер нашего отношения к избранной теме. В прозвучавших в предыдущей главе словах о том, что отдать, посвятить себя Богу — это и является сущностью монашества, есть некоторая неточность. Отдать, посвятить себя Богу, Его одного исповедовать и сознавать своим истинным Господином и Владыкой — это сущность христианства, которая в монашестве находит лишь наиболее благоприятную возможность полного воплощения. Ведь было время, когда монашества в нашем нынешнем понимании — с присущей ему системой, уставом жизни — не было. И в то же время оно было, потому что в древности вся первенствующая христианская Церковь была как бы единым монастырем — по той мироотречности, по тому взаимному единению, по той всецелой устремленности к Богу, которые царили среди первых христиан.

И это понимание христианства как всецелого предания, посвящения себя Богу [1], как принятия для себя одного закона над всеми законами, интересами и стремлениями — закона евангельского — должно быть положено в основу жизни христианина. Тогда она приобретает ту необходимую определенность, которая позволяет человеку стоять в ней твердо во все времена, при любых условиях и обстоятельствах.

Примечание:

[1] Ср.: *вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; некогда не народ, а ныне народ Божий* (1 Пет. 2, 9–10).

Среда... определяющая сознание?

Однако такое внутреннее устройство не приобретается единовременно, оно требует большого труда, складывается, укрепляется очень постепенно. И потому нельзя не согласиться со словами великого оптинского старца преподобного Амвросия о том, что, конечно, «жить можно и в миру, только не на юру», то есть нужно устраивать свою жизнь, ее внешние условия так, чтобы они не препятствовали, а, напротив, помогали нашему христианскому возрастанию. В словах этих есть очень большая правда, пренебрегать которой было бы неразумно.

Есть сам человек как самостоятельная, свободная личность, делающая свой выбор по отношению ко времени и к вечности и несущая ответственность за этот выбор. Это

«внутренняя», если можно так выразиться, реальность. Но есть реальность и «внешняя», с которой нельзя не считаться, которую невозможно игнорировать, поскольку она все равно присутствует в нашей жизни и многое определяет в ней. Эта реальность — среда, в которой человек трудится и живет, его дом, его профессия. Профессия, в частности, значит достаточно много. Человек «привязан» к своему профессиональному занятию, оно не только дает ему средства к существованию, нет, оно весьма часто становится для него главным способом самовыражения, «реализации» себя, превращается в то, с чем он себя ассоциирует, «чем» себя самого считает.

А между тем профессии есть очень разные, и характер профессии, место работы человека не могут не оказывать своего влияния на формирование его личности и на его христианскую жизнь. Если человек до своего обращения к Богу учительствовал, был воспитателем в детском саду, врачом, рабочим на заводе, то, скорее всего, его работа не станет для него препятствием на пути к христианскому совершенству. Напротив, эти виды профессиональной деятельности сами дадут ему прекрасную возможность воплотить свое христианство в жизнь, сделать свой повседневный труд самым настоящим служением Богу.

Но если новообратившийся христианин был прежде, скажем, боксером-профессионалом, журналистом из бульварной газеты, фотографом в доме моделей или рок-музыкантом, то вряд ли среда, в которой он жил и работал до своего прихода в Церковь, не будет его тяготить, вряд ли не обусловит те или иные преткновения или падения. Да и вообще пребывание в подобной среде, угождение человеческим страстям, умножение и без того переполняющей наш мир лжи уже само по себе греховно для человека, просвещенного познанием Бога.

Можно допустить, что примеры, приведенные здесь, кому-то покажутся нереальными, выдуманными, так что станет непонятно, зачем говорить о подобных «вымышленных» ситуациях. Та почва, о которой тут говорится, совсем не представляется пригодной к произрастанию на ней христианства. (Естественно, речь идет не о преподавательской среде, не о врачах и рабочих, а о людях, работающих в шоу-бизнесе, о профессиональных спортсменах и рок-музыкантах.)

Но согласиться с таким недоверием на самом деле нельзя. Эти примеры, может быть, нечасты, но они совершенно реальны. Господь действует всюду, и только Он один знает человеческое сердце, знает, что под оболочкой греха еще теплится живая, способная познать Его, уверовать в Него душа. И Господь ищет, находит эту душу и привлекает ее к Себе. Хотя бы эта душа по своей жизни была последней блудницей, но она же, по истинному слову Тертуллиана [1] всегда природе по своей остается христианкой. Главное, чтобы возможность ее оживления, восприятия ею просвещения Божественным светом не была еще утрачена до конца. Главное, чтобы было еще к чему привиться в ней Божией благодати. И Господь буквально трудится над каждой человеческой душой, пока только человек еще жив, никого не оставляет, ни от кого не отступает совершенно.

Можно ли привести случаи такого обращения в качестве наглядной иллюстрации в этом издании? Да, подобными примерами полна вся история Церкви, и было бы удивительно, если бы их не знал священник, если бы с такими случаями не приходилось сталкиваться ему. Но есть среди них, быть может, особенно поразительные. Некоторые уже широко известны, поскольку связаны с именами людей популярных и многими почитаемых. Это, например, Константин Кинчев, Юрий Шевчук... Правда, есть в данном случае одно «но»: эти люди, хотя надо отдать должное их душе, сумевшей сквозь хаос «музыкальной тусовки» увидеть свет истинного бытия и обрести истинного Бога, все же не порвали со своей жизнью и работой до конца. Почему — трудно сказать. Возможно, не нашли в себе для этого сил, а быть может, просто не сочли это необходимым. Не исключено, что даже и не рассматривали такого варианта. Но хочется рассказать о примерах, принципиально иных. Таких, как те, что приведены ниже.

Так, однажды автору пришлось познакомиться с человеком, который когда-то был музыкантом в достаточно известной рок-группе, а затем оставил свою профессию и поступил послушником в один из удаленных от больших городов малоизвестных российских монастырей. Там он принял монашеский постриг и по прошествии какого-то времени был рукоположен в священный сан. Наше знакомство с ним состоялось в ту пору, когда он служил в этой обители иеромонахом, и можно сказать, что вряд ли кто-либо смог бы тогда каким-то образом догадаться о его прошлом (автору о нем рассказал близко знакомый ему человек). Одним из моментов, повлиявших, так или иначе, на путь и на решение этого бывшего рок-музыканта, была мученическая кончина иеромонаха Василия (Рослякова), с которым он когда-то вместе учился и к которому приезжал в Оптину пустынь, когда отец Василий был еще жив.

Другой человек, о котором бы также хотелось сказать, был замечательным спортсменом, борцом, причем его спортивная карьера только начиналась, и все главное было в ней еще впереди. Придя в Церковь, очень скоро он увидел, что всевозможные соревнования и турниры, в которых надо было участвовать, приходится в основном на субботние и воскресные дни, что лишает его радости присутствовать за богослужением. На протяжении какого-то времени он достаточно регулярно пропускал в таких случаях службу. А затем стал пропускать соревнования. И кончилось дело тем, что спорт был оставлен: душа подсказывала, что одно с другим (веру и борьбу) совместить трудно. Сейчас, по принятии монашеского пострига, он служит Богу в священном сане.

Конечно, оба этих примера очень яркие: тут и далекая от церковного благочестия среда вначале, и резкий поворот и решительный выбор в пользу монашества затем. Есть много примеров, гораздо менее поразительных, но так же показательных. Но суть и тех, и других в том, что для человека в Церкви начинается новая жизнь. И жизнь эта часто «вытесняет» его из той старой жизни, к которой он привык, или старую жизнь — из него, или наполняет ее новым содержанием. Зависит все это от многих обстоятельств: от личных качеств, склада характера самого человека, от рода его профессии, от внешних условий, в которых он находится. Однако главное остается в сущности своей неизменным: придя ко Христу, человек не может жить так, как жил прежде, без Христа. И различие не должно ограничиваться лишь тем, что теперь по субботам, воскресеньям и в праздники он станет бывать в церкви, исповедоваться и причащаться. Апостольское слово — *люди, взятые в удел*, — обязательно должно проявиться в реальности на нем самом. И для этого все равно необходим выбор (внешний или внутренний, но выбор) между «старым» и «новым».

Примечание:

[1] Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (II–III вв.) — один из наиболее выдающихся богословов и учителей древней Церкви, оставивший по себе значительное литературное наследие. Впоследствии отпал в монтанизм.

Проблема выбора

Чаще всего человек сам, хотя, разумеется, и не без помощи Божией, должен идти к своему выбору. (Правда, это в том случае, если он вообще сознает необходимость такой выбор сделать.) В нас очень глубоко проник какой-то страшный потребительский дух, дух комфорта, причем не только на плотском, но и на душевном уровне. Поэтому порой человек, придя к Богу, удовлетворяется поначалу фактом того, что он уже пришел, ему совершенно невдомек, что он только-только вступил на путь и надо будет еще очень долго и мучительно по нему идти. Да, христианская жизнь — это непрестанный труд, непрерывное искание, человек вначале подобен слепому, не разбирающему пути. Так в Евангелии говорится об одном из слепых, исцеленных Господом, что сначала он увидел неясно — видел людей, словно деревья, — и лишь затем прозрел совершенно [1].

Подобно сему и в духовной жизни прозрение происходит постепенно. Человек лишь со временем начинает «видеть» в своей жизни Бога, начинает нащупывать путь, которым к Богу можно приблизиться, не какой-то абстрактный путь, не чей-то, а именно свой. Одна женщина, как и другие люди, ищущие духовной жизни, в полном смысле бьющаяся над собой и над своей душой, как-то обронила в разговоре такие слова.

— Я чувствую себя,— сказала она,— словно собака, которая вот-вот возьмет след.

Кому-то такое сравнение может показаться неожиданным и грубым. Но на самом деле оно при всей своей необычности удивительно точное. Собака среди тысячи запахов, перемешанных друг с другом, находит один, нужный ей, то есть берет след и идет по нему. Так же и человек среди множества переплетенных путей находит один, собственно ему принадлежащий, и идет им.

Если собака отвлечется, то она потеряет след и, сбившись, снова будет его искать. И человек, если утратит внимание к себе, впадет в нерадение, то потеряет уже обретенный путь и так же вынужден будет его снова искать.

Человек, если можно так сказать, берет след чувством своего сердца, сердцем находит свой путь к Богу. Сердце свидетельствует ему о верности этого пути — как внешнего, так еще в большей степени внутреннего — состоянием необыкновенного мира, покоя и отрады, состоянием, которого он прежде никогда в такой мере, скорее всего, не испытывал.

Как мы уже отмечали и как свидетельствует опыт, нередко случается, что для человека, пришедшего к Богу, становится невозможным обитание в прежней среде, где до этого момента протекала его жизнь. Так бывает в тех случаях, когда эта среда искушает, соблазняет, вредит внутренней жизни. Но порой человеку становится уже вообще не под силу даже просто жить среди людей неверующих, чуждых ему по духу, он буквально задыхается среди них. Сказать, что это некая «норма», что верующий человек среди неверующих жить не может, безусловно, нельзя.

Однако нельзя и не согласиться с тем, что тяжело жить среди людей, не понимающих тебя, для которых то, что ты считаешь самым главным, единственно важным, не более чем пустой звук. Для христиан естественно стремиться к единению, причем не только к духовному, но и к земному. Поэтому часто получается, что верующие люди, если и не уходят в монастырь, то меняют, по крайней мере, место работы, приходят на работу в Церковь.

Но и такой путь, как и монашество, возможен далеко не для всех и даже не для многих. Во-первых, это бывает сопряжено с какими-то материальными потерями. Во-вторых, тот, кто думает найти в церковных структурах и организациях некую совершенно идеальную, неземную жизнь, нередко переживает серьезное разочарование: ведь и в Церкви тоже люди, верующие, но тем не менее со своими немощами и недостатками. Хотя, без сомнения, человек, решившийся прийти трудиться для Церкви, обретает для себя очень многое. Прежде всего, он получает возможность реально служить Богу, хотя бы это служение и представлялось далеко не блестящим, самым скромным. Затем он все же находит людей, более близких ему духовно, по крайней мере, так же как и он, ищущих спасения. И это очень немало. Ну, и самое главное, такой приход в Церковь — это возможность более полно отдать себя Богу, приблизиться таким образом к Нему.

Примечание:

[1] См.: Мк. 8, 22–25.

Более общий путь

Однако еще раз повторим: и приход на работу в Церковь тоже путь не для всех. На это так же, как и на монашество, должна быть не только воля человеческая, но еще и воля Божия. Ведь верующий человек, христианин, очень часто может приносить (и

действительно приносит) пользу еще не познавшим Бога людям уже одним фактом своего пребывания в их среде. Если он действительно живет по-христиански, если его вера не ограничивается только лишь какими-то декларативными заявлениями, то окружающие не могут не полюбить его, не потянуться к нему, он становится пусть негромкой и неяркой, но все-таки живой проповедью о Христе. И сначала один, потом другой, третий человек, кто-то еще и еще благодаря ему обращаются к Богу. Так растет и создается Церковь. Разве это маловажная вещь?

Или, скажем, верующий человек занимает ответственный пост, высокое положение, может влиять на принятие тех или иных государственных решений и общезначимых мер. Если его деятельность носит христианский характер, то он так же может приносить людям и Церкви большую пользу.

Словом, у каждого христианина и посреди мира есть свое поприще служения Богу. Хотя главное, конечно, чего ожидает от нас Господь,— это наш подвиг по созиданию собственного внутреннего человека, обновляемого благодатью по образу Божию.

Итак, необходима воля Божия, человек должен ощущать призвание Божие к тому, чтобы оставить свою работу, свою профессию и посвятить себя служению Церкви. В чем это призвание выражается? — Во внутренней потребности полнее отдать себя Богу, в убеждении, что того, что он делает, недостаточно, его душа жаждет гораздо большего и большего ожидает от него Господь.

А если такого призвания нет, то надо оставаться на своем месте и добросовестно, как учит Евангелие, трудиться, не стыдясь своей веры, но являя ее самими делами своими; таков самый общий, разумный, «средний» путь.

Как понять: какой путь мой?

Священнику нередко приходится сталкиваться с людьми, спрашивающими его: «Как же узнать точно, какой путь именно **мой**?». Как ответить на это?

Ни один человек не появился на свет стихийно или случайно. И затем ничего случайного не происходит в его жизни. Еще прежде существования этого мира Господь знал каждого из нас, каждый из нас — Его творческий замысел, причем уникальный. Блаженный Августин в своей «Исповеди» говорит, что Господь любит каждого человека так, как если бы он был единственным. И при этом решительно всех любит так же, как и каждого. Мы, люди, не какая-то однородная масса пред Богом, не какая-то безликая толпа, в которой одним больше, одним меньше — значения не имеет.

Нас на земле уже несколько миллиардов, но нет ни одного человека, который был бы для Бога безразличен. Мы все дети Божии, верные и неверные, любящие и нелюбящие, пламенеющие сердцем и ко всему равнодушные. Мы настолько разные, разные прежде всего по отношению к Богу, но все равно любимые Господом и дорогие для Него.

И о каждом из нас у Господа есть Свой Промысл, можно сказать, некий идеальный план, то лучшее, чем каждый из нас мог бы стать. Мы об этом плане-замысле чаще всего не знаем, даже не догадываемся. А Господь хочет исполнения его, ибо желает для нас спасения и вечного блаженства. И Он обязательно приоткрывает этот Свой замысел человеку, который стремится его узнать.

Способов ответить человеку на этот главный вопрос у Бога много — если только это действительно важно для его вечной участи. Но как сподобиться ответа? Все заключено, по сути, в евангельских словах: *Ищите и найдете, стучите, и вам откроют, просите, и дастся вам* [1], то есть сам человек должен молиться, чтобы Господь открыл ему его путь, молиться словами Псалмопевца: *Скажи мне, Господи, путь, воньже пойду, яко к Тебе взях душу мою* [2].

В жизнеописании известного афонского старца Ефрема Катунакского есть такой характерный пример. Некоторый молодой человек пришел к этому выдающемуся подвижнику, чтобы спросить, действительно ли ему стоит избрать для себя монашеский

путь. Он ожидал, что прозорливый и наделенный многими благодатными дарами старец сразу же даст ему ответ. Но отец Ефрем вместо этого спросил юношу, какого святого тот более всего почитает. Юноша ответил, что почитает более всего святителя Нектария, Эгинского чудотворца [3].

— Вот и помолись ему,— посоветовал старец,— «Святый Нектарие, я не знаю, какой из двух путей больше подходит мне, но ты ведь святой и знаешь об этом лучше меня — просвети, чтобы я избрал правильный путь».

— А что дальше? Как я пойму, что отвечает святой и чего хочет Бог?

— Изнутри почувствуешь: к чему склоняется сердце в мире и покое, туда и следуй.

— А если, несмотря на это, я совершу ошибку?

— Святой, которому ты помолишься, тебя чуть-чуть подтолкнет туда, куда нужно [4].

Закономерен, конечно, вопрос, действительно ли этого, то есть молитвы, достаточно, чтобы узнать волю Божию, чтобы Господь откликнулся на обращение к Нему человека. Однако вся суть в том, что обращаться к Богу, молиться можно по-разному. И молитву искреннюю, сердечную, подкрепленную самой жизнью человека, Господь слышит всегда.

Такая молитва не может быть искусственной, придуманной. Она рождается в душе молящегося, который должен действительно **возжаждать** ответа на свой вопрос. Ему необходимо перестать интересоваться тем, чего хочет от него мир, чего хотят от него люди, отказаться от того, чего хочет сам. Он должен желать всем сердцем узнать, **что угодно Богу**, познание воли Божией должно стать для него решительной необходимостью, и тогда Господь откроет ее. Но откроет тогда... когда человек в сердце своем **решится эту волю исполнить**.

Человеку нужно обращаться к Богу с молитвой, исходящей из сердца. У каждого эта молитва будет звучать по-своему, однако общий смысл ее таков:

«Я искренне верю, что все возможно Тебе, Господи. Верю, что каждое мое слово, каждая мысль, каждое движение моего сердца ведомы Тебе. И вот я молюсь, Господи, прошу, чтобы не принадлежать мне больше этому миру, людям, самому себе, но принадлежать только Тебе одному. Ты Сам будь моим единственным Господином и Владыкой, войди в мою жизнь и руководи ею, как это угодно Тебе. Войди в мое сердце и воцарись в нем. Я знаю, что оно, мое сердце, грешное и лукавое, будет противиться этому, будет испытывать от этого боль, но есть во мне что-то, что заставляет об этом просить. Это Твоя благодать, Господи, стучится в двери моего сердца, и я не могу не отворить их».

Такая молитва не остается без ответа. А всегда ли отвечает Господь на нее непосредственно, Сам... Без сомнения, да. Только ответ этот может выражаться различно. Порой человек ощущает его как некий голос, безмолвно звучащий в душе, или как уверенность (как говорили святые отцы, «извещение сердца») в том, какой путь избрать. Иногда Господь отвечает через других людей. Но чаще всего Его воля, по слову преподобного Варсануфия Великого, открывается в самих обстоятельствах жизни.

Господь Сам **выстраивает** всю жизнь человека, как отклик, как ответ на молитву. И человеку остается уже только либо принять, либо не принять это. Если он примет открывающийся ему по его молитве путь, то в этом — его счастье, хотя бы даже путь этот изобиловал скорбями и всевозможными тяготами. Если же, напротив, откажется, то ни истинного покоя, ни счастья не найдет уже, наверное, ни в чем и никогда. Не то, что бы, не спасется, нет, но только жизнь его все равно будет исполнена горечи от того, что он отверг Божий дар, который сам испросил.

Маловерие, или слабоверие, современного человека легко может усомниться в реальности этих слов. Но то, о чем в них говорится, реально настолько, насколько реальна наша вера, насколько реально то, что есть Господь. Автору настоящей брошюры приходилось разговаривать об этом с людьми верующими, искренними, не могущими вот так же понять, какой путь им избрать и даже как жить, когда этот путь уже избран. И один из таких людей, услышав и уяснив для себя то, о чем здесь говорилось, сказал в ответ:

— Я к этому не готов. Сказать Богу: «Делай со мной, Господи, все, что угодно Тебе», я не могу.

Пришлось тогда возразить ему:

— Но ведь Господь любит вас, Он желает вам только лишь счастья и знает, как вам это счастье дать, причем не земное, скоро преходящее счастье и благополучие, но счастье вечное.

И человек снова ответил:

— Да, но я не готов довериться Богу.

«Не готов довериться Богу», то есть не готов отказаться от того «своего счастья», которого желает сам, быть может, совсем несогласного с Божественной волей.

Довериться Богу — это самый верный выбор, но оказывается, что это еще и подвиг, требующий мужества и самоотвержения. Однако в этом подвиге заключается всё.

У архимандрита Софрония (Сахарова) есть замечательное рассуждение о послушании воле Божией. Это послушание понимается обычно как жертва: человек имеет собственную волю и, отказываясь от нее, приносит ее в жертву Богу. Но отец Софроний с таким пониманием не согласен. Он говорит о том, что послушание воле Божией не жертва, ибо что мы можем принести Богу, в чем бы Он нуждался? Послушание — путь к обретению Божественной милости и Божественных даров. Отвергнув свою волю, так часто сплетающуюся с волей демонской и губящую нас, предавшись воле Божией, мы получаем возможность соделаться причастниками Божественной жизни, войти в нее [5]. Господь никого не влечет в эту жизнь насильно, но вводит в нее только тех, кто сам дает, «позволяет» Ему себя вести.

Неразумно не решаться довериться Богу. Однако это неразумие — спутник нашего младенчества в вере. И что делать тому, кто действительно ищет свой путь, молится Богу о его обретении, но притом... не готов принять воли Божией? Если это верующий, искренний человек, то лучше всего ему от сердца исповедовать перед Господом свою немощь, принося покаяние в своем недоверии Тому, Кто сотворил, искупил Его Своей Божественной Кровью, хранит и спасает; покаяние в недоверии к Тому, Кто любит его неизреченной и недомыслимой любовью. И если сил довериться нет, то, по крайней мере, покориться тому, что творит с ним Господь, покориться Промыслу Божию о себе. Не роптать, не малодушествовать, не отчаиваться, но учиться за все благодарить Бога — и за радостное, и за скорбное, благодарить хотя бы устами, если жестокое и холодное сердце этой благодарности не ощущает. Благодарить устами для того, чтобы научиться благодарить и сердцем.

Нужно заставлять себя исполнять волю Божию в том, в чем она для нас ясна, вообще чаще спрашивать себя:

— А что хочет от меня в этом случае Господь?

Спрашивать и не пренебрегать тем ответом совести, который в большинстве случаев бывает совершенно очевидным.

Нужно понуждать себя заканчивать каждую свою молитву словами Спасителя, изреченными в Гефсиманском саду: *Не моя воля, но Твоя воля, Отче, да будет* [6]. И отходить после этого от молитвы с чувством, что сказал в ней правду.

Тогда труд и живой опыт дадут все же человеку то, чего он не имеет. Человек опытно познает милость и любовь Божию, это знание станет достоянием уже не только его ума, но, что гораздо важнее, достоянием сердца. И это знание, эта уверенность человека в Боге дадут ему силы довериться Богу, предаться Богу совершенно.

А тогда определится и путь, кончится мучительное томление и «искание себя», потому что доверившегося Господь поведет Сам — так, что не нужна уже будет молитва: *Скажи мне, Господи, путь, в оньже пойду*, а довольно будет простого сердечного утверждения: «Буди, Господи, на все воля Твоя!».

Примечание:

[1] Ср.: Мф. 7, 7.

[2] Пс. 142, 8.

[3] Святитель Нектарий, митрополит Пентапольский, Эгинский чудотворец (1846–1920; память 9/22 ноября) — один из наиболее почитаемых святых современной Греции. В начале XX столетия на острове Эгина им была устроена женская обитель в честь Пресвятой Троицы, где он подвизался в качестве ее духовника. Еще при жизни, а более того по приставлении, святитель был прославлен от Бога многими чудесами. Отмечается, что особенно часты случаи помощи по его молитвам онкологическим больным.

[4] Старец Ефрем Катунакский. М., 2002. С. 89.

[5] См.: *Архимандрит Софроний (Сахаров)*. Подвиг богопознания. С. 153.

[6] Ср.: Лк. 22, 42.